

Жизнь и творчество Пауло Коэльо

Содержание

Введение

Биография

Творческий путь

Мифология тождества Пауло Коэльо

Интересные факты

Введение

Пауло Коэльо (порт. Paulo Coelho; род. 24 августа 1947, Рио-де-Жанейро) - бразильский писатель и поэт. Опубликовал в общей сложности 16 книг - романы, комментированные антологии, сборники коротких рассказов-притч. В России прославился после издания "Алхимика", долго остававшегося в первой десятке бестселлеров. Общий тираж на всех языках превышает 300 миллионов.

коэльо алхимик бразилия писатель

Биография

Родился в Рио-де-Жанейро в благополучной семье инженера Педру и Лижии Коэльо. В семь лет он был отправлен в иезуитскую школу Святого Игнатия Лойолы, где впервые проявляется его желание писать книги. Желание стать писателем не нашло понимания у его семьи, поэтому под их давлением он поступает на юридический факультет университета Рио-де-Жанейро, но вскоре бросает учёбу и больше занимается журналистикой. В итоге разногласия между ним и семьёй шли по нарастающей, в конце концов семнадцатилетний Пауло был принудительно помещён в частную психиатрическую клинику для курса лечения. Ни лечение электрошоком из-за проявившейся шизофрении, ни второй курс лечения не изменили его уверенности в себе - и тогда он сбежал из клиники, скитался некоторое время, в итоге вернулся домой. Через год он примкнул к движению любительского театра, который в Бразилии 60-х годов стал массовым явлением - не только явлением искусства, но и социального протеста. Театрально-протестная активность для Коэльо закончилась в лечебнице, откуда он снова сбежал, но безденежье вынудило его вновь вернуться домой. В итоге после третьего курса лечения его семья смирилась с тем, что "нормальной" работой он заниматься не будет. Пауло Коэльо продолжал заниматься театром и журналистикой.

В 1970 году начал путешествовать по Мексике, Перу, Боливии, Чили, Европе и Северной Африке. Через два года Коэльо вернулся в Бразилию и начал сочинять стихи для песен, ставших потом очень популярными, работая с известными бразильскими исполнителями, такими как Рауль Сейшас. Как он признаётся в одном из интервью, в это время он познакомился с работами противоречивого английского мистика, Алистера Кроули, повлиявшими на его творчество. Оно распространилось не только на музыку, но и на планы создания "Альтернативного общества", которое должно было стать общиной анархистов в штате Минас-Жерайс, основанной на идее Кроули: "Делай что хочешь - таков весь закон". Бразильские военные, пришедшие к

власти в результате переворота 1964 года, посчитали этот проект подрывной деятельностью и заключили всех предполагаемых членов группы под стражу. Известно также, что во время пребывания в тюрьме Коэльо, его жену и Рауля Сейшаса пытали. Выйти из тюрьмы Коэльо неожиданно помогло прошлое: его признали невменяемым и отпустили.

Позднее, во время путешествия со своей нынешней четвёртой женой Кристиной, в Голландии, он встречает личность (называемую им "Джей" (лат. J) в "Валькириях", "Паломничестве", "Алефе" и на его сайте "Воин Света"), которая изменила его жизнь и посвятила в христианство. Он стал членом католической группы, известной как RAM (Regnus Agnus Mundi), где "Джей" был его "Учителем". В 1986 году он прошёл Дорогой Сантьяго, старинным испанским путём паломников, и описал позднее всё произошедшее в книге "Дневник Мага". В 1988 году, сразу после выхода книги "Алхимик" "Джей" отправляет Пауло вместе с женой Кристиной в паломничество на 40 дней в пустыню Мохаве в Соединённых Штатах Америки. Позднее эти события Пауло описывает в книге "Валькирии".

Сейчас он живёт со своей женой Кристиной, в Рио-де-Жанейро, в Бразилии, и в Тарбе, во Франции.

Творческий путь

С 1988 года, с момента выхода знаменитого "Алхимика", его романы, переведенные на 52 языка, входят в разряд культовых и на сегодняшний день уже продано более тридцати пяти миллионов книг в 140 странах мира.

Пауло Коэльо с детства он мечтал стать писателем. Но в 60-е годы в Бразилии искусство было запрещено военной диктатурой. В то время слово "художник" было синонимом слов "гомосексуалист", "коммунист", "наркоман" и "бездельник".

Беспокоясь о будущем сына и пытаясь оградить его от преследований властей, родители отправляют 17-летнего Пауло в психиатрическую больницу. Выйдя из больницы, Коэльо становится хиппи. Он читает все без разбора - от Маркса и Ленина до "Бхагават-гиты". Затем, основывает подпольный журнал "2001", в котором обсуждаются проблемы духовности, Апокалипсис. Помимо этого Пауло пишет тексты анархических песен. Звезда рока Raul Seixas, бразильский Джим Моррисон, сделал их такими популярными, что Коэльо в одночасье становится богатым и знаменитым. Он продолжает искать себя: работает журналистом в газете, пытается реализоваться в театральной режиссуре и драматургии.

Но вскоре темы его стихов привлекли внимание властей. Коэльо обвиняют в подрывной антиправительственной деятельности, за что трижды арестовывают и подвергают пыткам.

Выйдя из тюрьмы, Коэльо решает, что пришло время остепениться и стать нормальным человеком. Он перестает писать и делает карьеру в CBS Records. Но в один прекрасный день его увольняют без всяких объяснений.

И тогда он решает отправиться путешествовать. Случайная встреча в Амстердаме приводит его в католический орден RAM, созданный в 1492 г. Здесь Пауло научился понимать язык знаков и предзнаменований, встречающихся на нашем пути. Согласно ритуалу пути, орден направляет его в паломническое путешествие в Сантьяго де

Компостелла. Преодолев 80 километров по легендарной тропе паломников, Коэльо описал это путешествие в своей первой книге "Паломничество", изданной в 1987 году. Вскоре за ней последовала и вторая - "Алхимик", принеся автору мировую известность.

"Алхимик" до сих пор остаётся самой продаваемой книгой в истории Бразилии и даже упомянут в Книге рекордов Гиннеса. В 2002 году португальский "Журнал де Летрас", авторитетное издание в области местной литературы и литературного рынка, объявил о том, что количество проданных экземпляров "Алхимика" превышает количество проданных экземпляров любой другой книги, написанной на португальском за всю историю развития этого языка.

В мае 1993 года издательство "ХарперКоллинз" выпустило 50 000 экземпляров "Алхимика", что далеко превосходит первоначальные тиражи всех прочих бразильских книг, когда-либо выходящих в Соединённых Штатах. Джон Лоудон, исполнительный директор "ХарперКоллинз", на церемонии выпуска тиража сказал: "Это всё равно, что проснуться на заре и увидеть как восходит солнце, пока весь остальной мир ещё спит. Подождите, пока все проснутся и тоже увидят солнце". Такой энтузиазм со стороны "ХарперКоллинз" весьма порадовал Пауло. "Для меня это особый момент", - сказал он. Его издатель на церемонии добавил: "Надеюсь, что история публикации этой книги в США окажется столь же долгой, увлекательной и успешной, сколь и само это повествование".

До публикации в США "Алхимик" выходил в небольших испанских и португальских издательствах. В Испании книга не входила в список бестселлеров до 1995 г. Семь лет спустя Издательская гильдия Испании написала, что "Алхимик" ("Эдиториал Планета") стала лучшей продаваемой книгой 2001 года в Испании. В 2002 году испанское издательство подготовило беспрецедентный выпуск собрания сочинений Пауло Коэльо. В Португалии, где разошлось более миллиона экземпляров его книг, Коэльо также считается самым продаваемым автором ("Эдиториал Пергаминьо"). Моника Антунес, сотрудничавшая с Пауло с 1989 года, после того, как прочитала две его книги, в 1993 году вместе с Карлосом Эдуардо Ранхелем учредила в Барселоне литературное агентство "Сан-Джорди Асосиадос" с целью продажи прав на произведения Коэльо.

В мае того же года, после публикации "Алхимика" в Соединённых Штатах, Моника предложила произведение нескольким международным издателям. Первым права приобрело норвежское издательство "Экс либрис". Его владелец, Ойвинд Хаген, писал Монике: "Эта книга произвела на меня сильное и глубокое впечатление". Несколько дней спустя владелица только что основанного издательства "Анн Карьер Эдиссон" писала в ответном письме Монике: "Это удивительная книга, и я хочу сделать всё от меня зависящее, чтобы она стала бестселлером и во Франции".

В сентябре 1993 года "Алхимик" возглавил список бестселлеров Австралии. "Сидней Морнинг Геральд" заявил: "Это книга года. Очаровательный пример безграничного изящества и философской глубины".

В апреле 1994 года "Алхимик" вышел во Франции ("Анн Карьер Эдиссон"). В прессе он получил великолепные отзывы, а читающая публика приняла книгу с восторгом.

Так "Алхимик" начал восхождение по списку бестселлеров. За два дня до Рождества Анн Карьер писала Монике: "Посылаю вам в подарок список бестселлеров из Франции. Мы на первом месте!" В каждом французском списке эта книга находилась на первом месте, где и продержалась пять лет. После такого феноменального успеха во Франции книги Пауло Коэльо перестали быть чисто литературным явлением и, заручившись поддержкой Европы, начали свое триумфальное шествие по всему миру.

С тех пор каждый из шести романов Коэльо, переведённых на французский язык, успел возглавить списки бестселлеров, удерживая позиции на протяжении нескольких месяцев. Однажды три романа одновременно возглавляли лучшую десятку.

Роман "У реки Пьедра я сидела и плакала", опубликованный в Бразилии издательством "Рокка", подтвердил международный статус писателя. В этой книге Пауло обращается к женской стороне человеческой природы.

В 1995 году "Алхимик" был опубликован в Италии ("Бомпьяни") и тут же занял первую позицию в списке бестселлеров. В следующем году Пауло Коэльо был удостоен двух престижных итальянских премий - "Супер Гринцане Кавур" и "Флаиано Интернешнл".

В 1996 году "Эдиториал Обжетива" получила права на книгу "Пятая гора", заплатив аванс в миллион долларов - самый крупный из всех, что когда-либо получали бразильские авторы. В том же году Пауло был удостоен звания "Chevalier des Artes et des Lettres", а Филипп Дуст-Блази, министр культуры Франции, заявил: "Вы стали алхимиком для миллионов читателей. Ваши книги творят благо: они побуждают нас мечтать и ведут на поиски духовной истины". В том же 1996 году Коэльо был назначен особым советником программы ЮНЕСКО "Духовные точки соприкосновения и межкультурные диалоги".

В том же году "Алхимик" был опубликован и в Германии ("Диогенес"). В 2002 году издание в твёрдой обложке побило все рекорды, продержавшись более шести лет в списке бестселлеров журнала "Дер Шпигель".

В 1997 году на Франкфуртской книжной ярмарке его издатели вместе с представителями "Диогенес" и "Сан-Хорди" устроили вечеринку в честь Пауло и в честь предстоявшей тогда же международной публикации "Пятой горы". Это произошло в марте 1998 года, и главные торжества проходили в Париже. Пауло привёл в восхищение его успех в Книжном салоне ("Салон дю Ливр"), где он подписывал свои книги на протяжении семи с лишним часов. Его французский издатель, Анн Карьер, организовала в его честь ужин в музее Лувр. Этот ужин посетили несколько сотен знаменитостей и журналистов.

В 1997 году Коэльо опубликовал свою очередную книгу - "Учебник воина света", собрание философских мыслей, помогающих нам открыть воина света в самих себе. Миллионы читателей оценили эту книгу по достоинству. Впервые она была опубликована в Италии ("Бомпьяни"), где имела поразительный успех.

В книге "Вероника решает умереть", опубликованной в 1998 году, Коэльо возвращается к повествовательной манере. Этот роман получил прекрасные отзывы.

В январе 2000 года Умберто Эко в интервью для "Фокуса" сказал: "Мне нравится последний роман Коэльо. Он и в самом деле производит на меня глубокое впечатление". Шинед О'Коннор в интервью "Айриш Сандей Индепендент" заметила: "Самая невероятная книга, какую я когда-либо читала, - это "Вероника решает умереть".

Осенью 1998 года Пауло совершил турне по Азии и странам Восточной Европы, начав его в Стамбуле, проехав на Восточном экспрессе через Болгарию и завершив свой путь в Риге.

Журнал "Лире" (март 1999 г.) объявил его вторым из самых продаваемых авторов 1998 года во всём мире.

В 1999 году Коэльо был удостоен престижной награды "Кристал эурд". Как было сказано на Международном экономическом форуме, "Пауло объединил такие разные культуры силой слова, чем и заслужил эту награду". С 1998 года и по сей день Пауло остается почетным членом Международного экономического форума. В 2000 году его избрали в члены правления Швабского фонда социального предпринимательства.

В 1999 году Французское правительство удостоило его звания кавалера Национального ордена Почётного легиона.

В том же году Пауло принял участие в книжной ярмарке в Буэнос-Айресе, где демонстрировал книгу "Вероника решает умереть". Посетители отреагировали на неожиданное присутствие Пауло в высшей степени эмоционально. Все средства массовой информации согласились, что никто из других авторов не может собрать столь многочисленную публику. "Коллеги, работающие на книжной ярмарке на протяжении последних 25 лет, утверждают, что не видели ничего подобного, даже когда был жив Борхес. Это исключительный случай. Не думаю, что когда-либо увижу, как другой писатель вызовет подобную реакцию. Невозможно описать в словах то восхищение, какое Пауло пробуждает в людях", - сообщает Лидия Мария из V & R. Однажды очередь из желающих получить автограф выстроилась за четыре часа до назначенного времени, и распорядители ярмарки согласились продлить рабочий день, чтобы никто не ушёл разочарованным.

В мае 2000 г. Пауло приехал в Иран и стал первым с 1979 года немусульманским писателем, посетившим страну в рамках официального визита. Его пригласил Международный центр диалога между цивилизациями. Подсчитано, что до этого визита уже были распроданы миллионы пиратских копий его книг (Иран никогда не подписывал международных соглашений по авторским правам). Пауло Коэльо стал также и первым немусульманским писателем, получившим гонорар за издания своих книг в этой стране. До этого он и надеяться не мог на столь тёплый приём и широкое признание в стране, так непохожей на страны Запада. Послушать его и подписать книги пришли тысячи иранских читателей.

В сентябре книга "Дьявол и синьорита Прим" была опубликована одновременно в Италии ("Бомпьяни"), Португалии ("Пергаминьо") и Бразилии ("Обжектива"). В дни выхода первого тиража Пауло в своём доме в Рио-де-Жанейро давал десятки интервью международным средствам массовой информации. В это же время впервые было публично объявлено о существовании института Пауло Коэльо, который он

вместе со своей женой, Кристиной Оитисией, основал в 1996 году. Цель этой организации - предоставление помощи и возможностей к социальной адаптации неимущим слоям бразильского общества, в первую очередь детям и пожилым людям. В 2001 году книга продолжала публиковаться по всему миру и вошла в списки бестселлеров на тридцати языках, на которые была переведена к тому времени. В 2001 году Пауло был удостоен БАМБИ, самой старой и наиболее почётной награды Германии. Согласно мнению жюри, убеждение автора в том, что каждому человеку предназначено стать "воином света" в этом тёмном мире, содержит глубокий гуманистический смысл, который приобрёл особо трагическое звучание в связи с событиями того года.

В том же 2001 году Пауло впервые посетил Колумбию и принял участие в книжной ярмарке Боготы. Тысячи поклонников, ожидавшие прибытия своего кумира, приветствовали его так бурно, словно перед ними предстала какая-нибудь звезда поп-музыки. Пауло призывал к спокойствию и терпению, обещая подписать все книги. Всего за пять часов было подписано и продано 4000 экземпляров.

В сентябре Коэльо посетил книжный магазин "Бордерс" в Лондоне, где также подписывал свои книги. По словам распорядителя, Финна Лоуренса, церемония подписания "Дьявола и синьориты Прим" ("ХарперКоллинз") "несомненно стала крупнейшим событием года". Ее посетили жители всех пяти континентов - гости из Японии, Пакистана, Анголы, Америки и всех европейских стран. В ноябре Коэльо отправился в Мексику, где его часами ожидали тысячи читателей на книжной ярмарке в Гвадалахаре.

В начале 2002 года Пауло впервые приехал в Китай, где посетил Шанхай, Пекин и Нанкин, приняв участие в различных мероприятиях, в том числе раздаче подписей и встречах с читателями.

25 июля 2002 года Пауло Коэльо стал членом Бразильской литературной академии (ABL). По общему согласию ему предоставили кресло номер 21. Цель этой академии, штаб-квартира которой находится в Рио-де-Жанейро, - сохранение бразильской культуры и языка. Сразу же после избрания Пауло получил более трёх тысяч посланий от читателей и стал главным объектом новостей по всей стране. Когда писатель выходил в тот день на улицу, поклонники, собравшиеся у дверей его дома, встретили его аплодисментами. Несмотря на горячее признание со стороны миллионов, Коэльо порой подвергался нападкам со стороны некоторых литературных критиков, потому избрание в члены Академии и стало таким важным общественным событием.

В сентябре 2002 году Пауло произвёл настоящую сенсацию, отправившись в Россию с пятью своими книгами, которые одновременно попали в список местных бестселлеров: "Дьявол и синьорита Прим" (номер первый), за которым следовали "Алхимик", "Книга Воина Света", "Вероника решает умереть" и "Пятая гора" (издательство "София"). Всего лишь за две недели в России было продано свыше 250 000 экземпляров его книг, а за год - в общей сложности более миллиона. По словам коммерческого директора сети М Д К, церемония подписания книг здесь приобрела самый широкий масштаб. "Мы никогда не видели, чтобы столько читателей

приходили для того, чтобы их любимый автор оставил на книгах свою подпись. Мы провели множество мероприятий в нашем книжном магазине. Прежде нас посещали такие влиятельные гости, как экс-президенты Ельцин и Горбачёв и даже ныне действующий президент Путин, но столько посетителей у нас не собиралось никогда. Это было поистине невероятное событие. Пришлось даже отказывать сотням читателей, пытавшихся присоединиться к огромной толпе".

В октябре 2002 года Пауло получил награду Planetary Arts (Планетарных искусств) Будапештского клуба во Франкфурте, где в его честь бывший президент США Билл Клинтон произнёс хвалебную речь.

Пауло постоянно поддерживает связь со средствами массовой информации посредством многочисленных интервью, а также статей в газетах и журналах. За несколько лет он написал множество статей и очерков для всех наиболее влиятельных изданий.

В марте 1998 года Коэльо стал вести ежедневную колонку в бразильской газете "О Глобо". Она пользовалась таким успехом среди читателей, что "Сант-Хорди" предложило ему вести колонки и в других международных изданиях. Четыре года спустя они до сих пор публикуются в таких газетах, как мексиканская "Реформа". Колонки Коэльо регулярно выходили в "Коррьере делла Сера" (Италия), "Эль Семаналь" (Испания), "Та Неа" (Греция), "ТВ-Хёрен + Зеен" и "Велт ам Зоннтаг" (Германия), "Анна" (Эстония), "Зверцаadlo" (Польша), "Эль Универсо" (Эквадор), "Эль Насьональ" (Венесуэла), "Эль Эспектадор" (Колумбия), "Чайна Таймс Дейли" (Тайвань) и многих других периодических изданиях.

Мифология тождества Пауло Коэльо

Фигура бразильца Пауло Коэльо, проявившаяся в современном культурном пространстве в начале 1990-х годов, до сих пор, по прошествии многих лет, находится в пересечении крайних точек зрения, диаметрально противоположных мнений. К настоящему времени писатель опубликовал полтора десятка книг - среди них романы, комментированные антологии, сборники афоризмов и коротких рассказов-притч, детские сказки. В общей сложности в мире, в 150 странах, в переводах на всевозможные европейские и азиатские языки опубликовано более шестидесяти миллионов экземпляров его творений. По данным разнообразных информационных агентств, Коэльо входит в число самых популярных авторов планеты, вот только статус его книг все еще остается парадоксально неопределенным.

Текстам Коэльо приписывается то уничижительно низкое, то идеально высокое положение в литературной иерархии; подчас им вовсе отказывается в принципиальной соотносимости с художественно ценной продукцией. В магазинах его сочинения можно найти в разделах и "Классика", и "Современная проза", и "Эзотерический роман"; бывает, что книги Коэльо располагаются в рядах "чистой" "эзотерики", дополняя тома Кастанеды и Гурджиева, Блаватской и Холла. Более того, имя Коэльо неизменно упоминается в контексте критики Нью-Эйджа среди иных "гуру" соответствующей теософии и идеологии. И действительно, многие факты биографии писателя свидетельствуют о его возможной близости неомистицизму

Новой Эры, хотя Коэльо никаким гуру себя не считает, да и нью-эйджевцы не часто поминают его в списке признанных "учителей". Зато романы бразильского прозаика с некоторых пор начали фигурировать в рекомендательных списках по современной художественной литературе ряда европейских гуманитарных вузов (первенствовала, судя по всему, Франция), у нас в стране Коэльо должны изучать студенты-филологи в МГУ...

Пауло Коэльо, естественно, воспринимает себя именно как писателя и желает видеть свои произведения на полках художественной литературы или, в крайнем случае, современной философии. Он называет себя католиком, хотя многие его высказывания весьма и весьма далеки от ортодоксального католицизма, а католическая культурология с большим подозрением относится к тезисам этого писателя. И все же, в 1998 году Коэльо был удостоен личной аудиенции Папы Иоанна Павла II, а за вклад в возрождение традиционного паломничества в Сантьяго-де-Компостела (где, согласно легенде, покоятся мощи святого покровителя Испании Апостола Иакова) он был награжден специальной премией. Вообще, обилие премий и специальных общественных "поручений", которыми за последнее десятилетие был наделен бразильский автор, заслуживает отдельного внимания. Помимо литературных наград, полученных в Германии, Италии, Испании, США и т.д., Коэльо стал Кавалером ордена Почетного Легиона во Франции (1999); его "на равных" принимает современная политическая элита (на протяжении многих лет Коэльо является непременным участником Форумов в Давосе); он стал посланником Юнеско в Африке; он активно участвует в деятельности многочисленных международных организаций, фондов и союзов, занимаясь проблемами гуманитарной помощи, экологии, международной амнистии, антивоенной пропаганды и прочее, и прочее. Обретенный Коэльо на сегодняшний день сугубо позитивный общественный статус формировался благодаря его текстам, противоречивая оценка которых в критике как-то парадоксально не согласуется с глобальным признанием заслуг бразильского "воина света". Единственное, в чем сходятся оценки поклонников и противников, это в признании учительного пафоса его творений. Только первые усматривают в книгах писателя жизнестроительный, обновляющий мир и человека смысл, а вторые видят набор избитых общих мест, истинность которых была заявлена, определена и оформлена задолго до Коэльо. Неправы, как нам кажется, и те, и другие. Коэльо в качестве первоосновы своего творчества выделяет не столько непосредственно дидактическую функцию, сколько исповедально-автобиографический подтекст: "Я всего лишь рассказываю в своих книгах, что произошло в жизни со мной. Я делюсь тем, что случилось со мной, но не добавляю: сделай и ты то же самое. Нет. Я рассказываю о своей трагедии, о своих ошибках, о том, как преодолевал их, но не утверждаю, что это решение годится для всех, поскольку каждая жизнь - особый, уникальный случай" Из книги в книгу Коэльо неизменно наделяет "уникальным" собственным опытом создаваемых персонажей, вписывая личную, реально пережитую историю в бесконечный пересказ-повтор-воспроизведение сюжетов и образов, апробированных в фольклоре, литературе, искусстве и мистике. Искомый эффект в общем-то достигнут: Коэльо как бы заново

вскрывает соответствие всеобщего и личного, обновляя смысл "избитых" истин непосредственным драматизмом своей судьбы.

Более того, логика судьбы автора оправдывает сверхистинность, непогрешимость неизменного хеппи-энда романов Коэльо. "Послание" автора непосредственно адресовано читательской массе, тому потребителю, которого писатель именуется "простым человеком". Для него - простого читателя - все содержание книг должно явиться в качестве непреложного закона, подтверждающего возможность счастливого разрешения его - читателя - личных жизненных проблем. "Простой человек" - это своего рода мифологема, с особой тщательностью выстраиваемая Коэльо в интервью и всякого рода раздумьях о целях и задачах современной литературы. "Простой человек" - это кумир для кумира, объект писательского поклонения, любви и заботы. Коэльо утверждает, что он мог бы писать и как Джойс, и как Пруст, но тогда он не был бы понятен для "своего читателя". Неоднократно декларируемая бразильским прозаиком "простота" и "безыскусность" его книг возникает в результате своеобразного "самоочищения" от излишних сложностей, на пути обязательного отождествления авторского "я" с читательским. Писатель как бы постоянно жертвует собой, самоуничижается ради снятия границ между создателем текста и его адресатом. То есть и на этапе сотворения текста, и на этапе его завершения как бы моделируется по-своему мифоутопическая ситуация всеобщего единства, равенства и тождества, идеального взаимопонимания и сотрудничества, ведущая в конечном итоге к фикционалистскому преодолению границ между вымыслом и реальностью: "Благодаря моим читателям я встречаюсь с самим собой, ибо понимаю написанное мною, лишь когда это поняли другие - никак не раньше", - утверждает герой-повествователь (alterego Коэльо) в романе "Заир". Писатель полностью доверяет своему читателю, а потому, не сомневаясь, полностью вверяет ему свою судьбу, намеренно обнажает всего себя, биографического. Не случайны постоянные отсылки к рассказу о самом себе - к интервью, данному в свое время Хуану Ариасу, к биографическим материалам, собранным на официальном сайте писателя. Биография Коэльо не только соучаствует в создании художественного мира, но во всех подробностях непременно должна предстать ему, объяснять все, "упущенное" в вымышленном сюжете.

Идиллической паре писателя и читателя в мире прозы и автокомментариев Коэльо противостоит фигура разрушителя доверия - "злого критика" - "неумолимого и беспощадного" врага, завидующего любым проявлениям успеха и таланта, не способного понять суть "простых истин". Выставленная напоказ фигура "злого критика", антигероя мифологических построений Коэльо, должна предстать читательскому восприятию столь же активно, как и биографические материалы, изначально обесмысливая всякую попытку исследования текста, ведь любой анализ разрушителен в силу необходимого расщепления некоего художественного единства на его отдельные элементы. Уже полвека назад Р. Барт прекрасно описал незавидную участь критика, исследователя-мифолога - "разрушителя коллективного языка" стремящегося выявить истинный смысл "простых истин", а потому вынужденного принципиально "отказываться в доверии" любому объекту исследования, даже если

этот объект - маленькая девочка.

Мы, по сути, находимся в похожей, этически кризисной, ситуации: анализ феномена Коэльо по необходимости связан с его биографией, восприятие которой должно быть сугубо сострадательным. И все же анализ мы начнем именно с биографии: история жизненного пути Пауло Коэльо оказывается отчетливо мифологизированной, она излагается как странным образом осуществленный в реальности инициационный сценарий, как последовательность метаморфоз и авантюр.

В 1987 году Коэльо опубликовал первую книгу: "Паломник (Дневник мага)", в которой описывал перипетии странствия к мощам апостола, свой духовный опыт, исследовал собственные ощущения во вновь обретенной вере, а, кроме того, предлагал ряд упражнений по духовному самосовершенствованию, которым обучил его руководивший им на протяжении паломничества "наставник" Петрус. Книга эта особого успеха не имела. Неудачным оказалось и следующее издание: из тиража вышедшего в 1988 году романа "Алхимик" было распродано всего 900 экземпляров. Издательство, выпустившее роман в свет, разорвало контракт с начинающим прозаиком. Но полный провал Коэльо не остановил. Он предложил текст книги для новой публикации издательству Рокко. Вторая попытка, сопровождаемая не очень широкой, но все же рекламой, оказалась удачнее. В рекламной кампании писателю помогала Моника Антунес, ставшая впоследствии его официальным литературным агентом. Знакомство М. Антунес с книгами Коэльо началось в 1988 году, в то время ей было 19 лет, она училась на химическом факультете университета Рио-де-Жанейро и входила в состав любительской театральной труппы, руководитель которой дал ей прочесть "Дневник мага" и "Алхимика". Затем произошла личная встреча: Коэльо, продолжавший увлекаться любительским театром, пришел на одну из постановок труппы. Вскоре завязалась дружба, и юная поклонница начала заниматься продвижением нового издания "Алхимика" на бразильском книжном рынке, принимая участие в организации пресс-конференций, встреч с читателями и т.д. Через год Антунес с мужем решили уехать из Бразилии и обосноваться в Испании. На Мадридской книжной ярмарке 1989 года Антунес провела имевшую успех рекламную кампанию "Алхимика": в 1990 году книга была издана в Испании. По всей видимости, сам Коэльо вложил достаточные средства для развернутой рекламы в испанской прессе - тираж был распродан. Были заказаны переводы "Алхимика" на английский и французский языки. В 1993 году книга была предложена издательству "Харпер Коллинз" и выпущена тиражом в 50000 экземпляров. Одновременно М. Антунес (изначально проявившая великолепный маркетинговый талант) вошла в контакт с издательствами Франции, Норвегии, Италии, Японии - реклама имени и продукции Коэльо начала приобретать мировой масштаб, а "Алхимик" вошел в число бестселлеров во многих странах. В 1994 году двадцатичетырехлетняя Антунес организовала в Барселоне издательский дом "Сант-ЖордиАсосиадос", который с тех пор ведает всемирной публикацией книг писателя.

К этому времени, помимо первых двух книг, Коэльо успел опубликовать еще два романа: "Брида" (1990) и "Валькирии" (1992), причем последний в Бразилии сразу был выпущен сотысячным тиражом, который разошелся через несколько дней. В

1994-м появился роман "На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала", составивший вместе с романами "Вероника решает умереть" (1998) и "Дьявол и сеньорита Прим" (2000) трилогию "В день седьмой". Работая над трилогией, Коэльо успел совершить экскурс в библейские сюжеты и создал апокрифическую историю пророка Илии в романе "Пятая гора" (1996), а по завершении триптиха обратился к философско-мелодраматической эротике в истории о проститутке Марии - "Одиннадцать минут" (2003); за тем последовала еще одна история любви - роман "Заир" (2005).

Новый этап духовного самоутверждения начался по преодолении писателем символического возрастного рубежа: после тридцати трех лет. Он предпринимает новый "путь к себе", который длится семь лет. За это время Коэльо возвращается к ценностям гуманизма (безусловно знаковым выступает здесь факт посещения концлагеря), возвращается в лоно истинной веры - католицизма, к первоисточкам которого он реально идет вместе с паломниками. Наконец, по достижении еще одного символического возрастного рубежа - сорокалетия - он заново рождается как писатель. Но, впрочем, и на этом этапе проявился след "маргинализма", обозначенный вступлением в малоизвестный "орден" RAM, то есть декларированной принадлежностью к субкультуре, хотя и иного типа, - к периферии устойчивого религиозного образования.

Итак, Коэльо является ярким, экстраординарно-типичным представителем поколения "молодежного бунта" против "культуры отцов". И творчество бразильского писателя, со всем его внутренним автобиографизмом, теснейшим образом связано с "бунтующим сознанием", с идеей преодоления закостеневших норм ради личностного раскрепощения и дальнейшего позитивного самосозидания. Впрочем, произведения Коэльо выстроены с использованием весьма многочисленных, хотя и весьма разнородных художественно-идеологических моделей, приведенных к некоему декларативно упрощенному общему знаменателю. Вовсе не правы те "злые критики", которые считают бразильского прозаика культурно малограмотным автором. Напротив, он вполне глубоко владеет общекультурным достоянием XX века, как "официальным", так и альтернативным. Он является знатоком алхимической традиции, он прекрасно ориентируется в трудах К. - Г. Юнга, умело сочетает достижения латиноамериканской, североамериканской и европейской словесности со стратегиями семиотики. А идеологически обосновывающую функцию в творчестве Коэльо выполняет, на наш взгляд, своего рода обобщенная модель контркультурности.

В собственных книгах Коэльо выделяет как одну из центральных тему табу, считая ее принципиальной для своих читателей: "Я большую часть времени занимаюсь именно темой табу, и людям это интересно, потому что они и сами хотят избавиться от запретов и начать жить настоящей жизнью". Писатель видит романы трилогии "В день седьмой" в перспективе рассмотрения и преодоления социальных табу: в романе "Вероника решает умереть" говорится о "табу на отличие от остальных. Нужно быть как все, людям нельзя быть другими, иначе их считают безумцами. Я сам проходил через это (sic! - М. Н.)". В свою очередь, "На берегу Рио-Пьедра..." и "Дьявол и сеньорита Прим" повествуют о табу на насилие и о табу на "женскую

составляющую в мужчине" (проблема "женской составляющей" как-то сразу напоминает об архетипах и о К. - Г. Юнге, но об этом чуть позднее). Роман "Одиннадцать минут", естественно, оказывается связанным с раскрытием сексуальных табу.

Авторский анализ вполне соответствует созданному им миру, где действительно выделяется борьба с табу, причем если до "Заира" преодоление запретов подспудно организовывало сюжетную канву, то в последнем романе все вещи называются "своими именами", и преодоление табу выносится в текст в идеологически открытом виде, превращаясь для персонажей в основной предмет обсуждения. Раскрытие и нарушение табу функционирует как часть общего контркультурного мировидения, в обязательном порядке включающего апологию разнообразных форм "инаковости", маргинальности, альтернативности, всегда связанных с особой подвижнической миссией героя в мире, его избранностью. Самоосуществление героя, тождественное осознанию им своей "особости", является сюжетным инвариантом всех книг Коэльо и всегда подразумевает преодоление устойчивого социального статуса и духовную инициацию. На пути к себе герой проходит через некий мистический духовный опыт, подробности которого тщательно воссоздаются в романах. Медитация (в духе Кастанеды) открывает "душу мира" пастуху Сантьяго в "Алхимике"; медитация выводит старуху Бертю ("Дьявол и сеньорита Прим") к постоянному общению с умершим мужем; Пилар ("На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала") обретает себя, участвуя в коллективном молитвенном бдении в Лурде. А герои романа "Вероника решает умереть" раскрепощаются в "астральном путешествии", в суфийской медитации и эротике. В "Одиннадцати минутах" доминирует сексуальная стихия; причем мистическая запредельность наслаждения в истинном любовном союзе противостоит здесь негативно трактуемому (демистифицируемому) садомазохистскому опыту самопознания. В "Заире" инициационный опыт описывается как таковой, в терминах "посвящения", и сопровождается сменой имени и физическими страданиями главного героя.

Инициационным значением наделяется не только магический опыт. Все сюжетное пространство романов Коэльо подчеркнуто ритуально, вся заново обретаемая жизнь его героев является воплощением мономифа - бесконечности и постоянства инициации, приобщенности к "таинству бытия". Открыв истину (полноту альтернативы) для себя, герои стремятся донести ее до всего мира, они готовы работать на благо изменения социума, вне зависимости от того, будет ли принято их служение. Мирозидательная (в понимании бразильского прозаика), творческая деятельность принимает различные формы. Мари ("Вероника решает умереть") уедет в Сараево, чтобы возродить разгромленный город, Зедка из того же романа - просто будет учить любви и настоящей жизни собственного мужа, Вероника и ее возлюбленный Эдуард будут преображать мир своим творчеством. Несостоявшаяся самоубийца поняла в приюте, что ее истинное призвание - музыка, Эдуард же был признан шизофреником из-за пристрастия к живописи. А вот Пилар и ее возлюбленный ("На берегу Рио-Пьедра...") выйдут в мир с проповедью обновления веры.

Заметим, что парадигма "контркультурности" до последнего времени выступала в творениях бразильского прозаика в достаточно обобщенном виде. Его герои были лишены примет представителей "молодежного бунта", через который когда-то прошел писатель. Ни хиппи, ни рок-певцы, ни наркоманы, ни иные "конкретные" маргиналы не населяли художественный мир Коэльо; в тексте могло быть разве что упомянуто о "бурной молодости" персонажа (так говорит о себе герой романа "На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала"), но не более. Коэльо в основном работал в системе своего рода общих мест альтернативности (что, собственно, и соотносится с понятием контркультуры в широком смысле, выходящем за пределы конкретной ситуации 1960-1970-х годов), сводимых, в конечном итоге, к архетипу странного (безумного, инакового) героя в "чужом" мире.

Ситуация кардинально изменилась в романе "Заир", который, по всей видимости, обозначает рубежный этап в творчестве Коэльо. Здесь, как уже отмечалось выше, все жизненно важные для автора проблемы (табу, магический опыт и др.) предстают в обнаженно публицистическом, как бы документальном виде. И "маргиналы", действующие в пространстве романа, приобретают конкретные черты представителей молодежной контркультуры. Молодость главного героя оказывается связанной с миром хиппи и оккультизмом, а в романной современности действует "племя" (цитатен ли термин по отношению к Делезу, вот в чем вопрос) новых бунтарей. "Безбашенные юнцы" самоосуществляются в "агрессии" против окружающего нормального мира ("общества потребления"). "Страсть к разрушению", характерная для "племени", именуется в романе "созидательной"; ломая старое, "племя" утверждает новый духовный опыт постижения "энергии Любви". В области "нового вероучения", декларируемого со страниц и этой книги, и всех предыдущих, писатель отчетливо воспроизводит характерную смесь положений ортодоксальных систем с неоязычеством, соединяет различные эзотерические и мистические источники, опирается на народный католицизм, на опыт видений и явлений XX века. Все сюжетные обобщения и конкретизации, построение художественной модели управляются извне жизненной конкретикой судьбы автора. Так, главенствующий у Коэльо хронотоп путешествия всегда однозначно сопряжен с мировоззренческими установками молодежной субкультуры: "...Во многих моих книгах я говорю о путешествиях. Почему? Во-первых, потому что принадлежу к поколению <...> хиппи, которое жило в дороге, общаясь с другими культурами. А дорога играет очень символическую роль в жизни человека <...> Когда путешествуешь, это уже не ты, нужно быть открытым" "Открытость миру" должна пониматься в соответствии с теми же культурными (контркультурными) источниками, как спонтанное, непосредственное переживание реальности, эмоциональная включенность в гармонию мира, как живое человеческое общение, как преодоление рациональности и логики, как постижение и достижение полноты бытия. Эта полнота сопряжена с особым духом рождения новой коллективности (идеальное "сообщество" писателя и читателя составляет естественную часть этой коллективности), с ощущением всеобщей избранности, с возможным преображением "обычного" человека в особенного, способного "потрясти мир". Именно такими видятся Эдуарду из романа

"Вероника решает умереть" "жития" Лойолы, Франциска Ассизского, Терезы Авильской, Св. Антония: "Эти мужчины и женщины потрясли мир, хотя были такими же обычными людьми, как он сам <...> Они были полны тех же сомнений и беспокойств, какие уготованы в этой жизни всем людям <...> В каждой из этих жизней был некий волшебный момент, заставивший их отправиться на поиски собственного видения Рая". После этого "обычные" люди превращались в подвижников; достигнув полноты бытия, они "никогда не отступали от своего пути". И этот, данный герою опыт прозрения человека за пределами обычного в обычных - "простых" - людях является одним из вариантов принципа всеобщего тождества или всеобщей "встречи" (этот термин используется в "Заире"), реализующихся через постоянное разрушение границ и пределов в самооткрытости миру.

Открытость миру, по Коэльо, ведет к новому его восприятию и преобразению, возвращению в состояние полноты, а полнота бытия достигается в преодолении главной оппозиции, определяемой писателем в терминах "священного" и "мирского". Характерно, что реальным воплощением пространства "полноты" оказывается для писателя его родная Бразилия. Здесь, утверждает бразильский прозаик, "из-за смешения рас и культур не было времени выстроить стену вокруг алтаря. В Баию прибывали рабы-африканцы со своими обрядами, они встретились с христианами - и родился синкретизм. Он, конечно, не идеален, но это лучше, чем религия, претендующая на главенство над другими религиями. А коль скоро не была выстроена эта стена, разделяющая священное и мирское, магию и действительность, все пропиталось тайной. Священное проникло во все мирское". Синкретический культ, репрезентирующий взаимопроникновение духовных практик, оказывается чрезвычайно близким контркультуре, ищущей глубинных символическо-мистических тождеств в преодолении ограниченного пространства ортодоксальности.

Выстраивая систему подобных "бразильских" смыслов, Коэльо, по сути, воспроизводит новую систему общих мест, своего рода "архетипов" латиноамериканской культуры, среди которых особое место принадлежит таинственному, сакральному и мирскому. Заметим, что собственно бразильские и латиноамериканские эпизоды книг Коэльо - история детства проститутки Марии из "Одиннадцати минут", пребывание Эдуарда ("Вероника решает умереть") в Бразилии, мечта Мари ("Вероника...") об обретении смысла собственной жизни в Сальвадоре - выстраиваются при помощи характерно латиноамериканских - бразильских мифообразов "запах земли", домашнего пространства - "фазенды", с использованием антитезы "рая" и "ада", топоса "инаковости". За Новым Светом в творческом сознании Коэльо отчетливо закреплено принципиальное значение инакового, сверхнормативного мира и социума, в котором реализуется победа парадокса над картезианской логикой, впервые осуществленная в деянии первооткрывателя "упрямца и авантюриста" Христофора Колумба, а затем продолженная конкистадорами.

Триумф "парадокса" мифологически номинативно соответствует открытию мира, в котором происходит "встреча" специфических пространственных локусов; в том

числе, на уровне описания осуществляется метафорическое тождество "инаковых миров". В воспроизведении Коэльо африканская пустыня ("Алхимик"), казахстанская степь ("Заир") аналогичны романтической репрезентации бразильского сертана (степные засушливые области на Северо-Востоке страны) в бразильской словесности, где особое значение имели категории "необозримости", "скрытой жизни", "исполинского пустого пространства", связанного с возможным самоосознанием и самоосуществлением личности.

Но, как и иные литературные источники, бразильская образность в системе Коэльо как бы теряет свою "литературность". Среди литературных ориентиров для Коэльо специфически актуальны Хемингуэй и Миллер, Борхес, БьойКасарес (неотделимый от Борхеса в качестве соавтора по составлению различных антологий), Сервантес, Амаду (в его лубочной стилистике выдержан роман "Одиннадцать минут"), У. Эко, А. де Сент-Экзюпери, Р. Бах, О. Уайльд, А. Франс, Г. Флобер. Коэльо эксплуатирует и объединяет, схематизируя, и две наиболее влиятельные модели латиноамериканской традиции последней трети XX века: литературу магического реализма и литературу "свидетельства". Литературные модели, метафоры, художественные (эстетически значимые) образы приобретают у Коэльо своего рода мистическую телесность, превращаясь в реалии его эзотерической модели мира. Так, в эротических эпизодах романа о Веронике явственны следы "культурологической" эротики Фаулзовой Мантиссы, примененной в откровенной непосредственности языка тела, как такового. И из магического реализма по существу изымается момент художественной условности, магическое сливается с мистическим, превращается в знак реально осуществляемого тождества "священного" и "мирского". Кстати, множество упреков, которые Коэльо, чрезвычайно критически воспринимавшийся у себя на родине, получил от своих соотечественников, во многом связаны с характерной для писателя апологией бразильского "магизма", фигурирующего, со времен классика бразильской литературы и эстетики Ж. да ГрасаАраньи и до сих пор, в качестве одного из объектов национальной самокритики; рассматривающегося как препятствие к достижению полноты национальной осознанности.

Основным средством воздействия на реципиента у Коэльо служит риторика антириторизма: намеренное игнорирование соответствующих приемов и фигур, открытый номинализм (исключение эпитетов, сравнений, метафорическая опустошенность) и идеологизм повествования, что в какой-то степени сблизает его с публицистикой, с документализмом. Причем ориентиром для текстов Коэльо явно служит латиноамериканский документализм, активно эволюционировавший в континентальной словесности с конца 1960-х годов к литературе под названием "литература свидетельства". Так, история Вероники дискурсивно оформляется именно как "свидетельство" - донесенный до "автора" пересказ "реального" происшествия в сумасшедшем доме; на основе "свидетельства" проститутки написан роман "Одиннадцать минут", выдержанный в характерно имитационной манере "устного" повествования. Элементы "свидетельства" - рассказ персонажа о своей жизни и перенесенных испытаниях - вводятся в роман "Заир" с той же установкой на сохранение "аутентичного" устного слова. Причем, здесь "устность" приобретает

значение мистически ценностной категории: "воскрешение утраченного искусства беседы" открывает пространство "встречи". Стихия устного слова идеально соответствует раскрепощению человеческого сознания, необходимого в процессе индивидуации, на котором, как уже указывалось, в конечном итоге сконцентрированы все без исключения тексты Коэльо.

Самоосознание личности противостоит основным нормам современного мира: путам табуированности и дезинтегрированности, рационалистичности и ортодоксальности. А выписывается процесс самосознания, или "путь к себе", с прямым привлечением психоаналитической антропологии К. - Г. Юнга; то есть архетипов как таковых, которые сущностно завершают вообще "архетипическую" (воспроизводящую общие места всяческих моделей) систему Коэльо. Юнгианские "архетипы" присутствуют в самых различных аспектах, в том числе и в алхимическом. Наиболее последовательно и откровенно цитатно по отношению к Юнгу ("Психология и алхимия") "психосозидательная сила" алхимии реализуется в романе "Алхимик". Коэльо последовательно воспроизводит идею двойственности алхимического процесса - его мистическую материальность и психологическую символичность. На всевозможных переходах этих смыслов выстроен внутренний сюжет повествования. Алхимия как начало химии (читай: исток современного материалистического понимания реальности, научной картины мира) являет собой "сокрытие", "симулякр" истинного мира. Алхимия как метафора личностного самосозидания, со всеми религиозными, духовными подтекстами, понимается как "забытая" истина, искаженная материальностью. Персонажи романа, мотивы, микросюжеты оказываются воплощением алхимико-архетипических первообразов. Причем выступают они в характерном обличье своей "первообразности", открытой в труде Юнга. Так, "Англичанин" из романа Коэльо, безуспешно пытающийся познать тайну алхимической трансмутации в бесконечном чтении книг, воспроизводит фигуру Ричарда Английского. Женщины под покрывалом, являвшиеся пастуху Сантьяго, естественно, имеют своим прообразом первое явление "анимы", женской сущности мужчины. Алхимико-психологический исток имеет эпизод с созданием золотого круга (мандалы), расчлененного Алхимиком на четыре символические части - традиционную алхимическую кватерну. Наконец, полностью цитатен финал романа. Преодолев все препятствия, пастух находит сокровище: "Перед Сантьяго стоял ларец, полный золотых монет. Там же лежали драгоценные камни, золотые маски, украшенные белыми и красными перьями, каменные идолы...". В алхимической архетипике монеты обозначают разъединенную множественность душевной жизни и, одновременно, являются знаком необходимого перехода к мистическим опытам над собой для обретения целостности, а перья (существенно связанные с американским миром) указывают на возможные литературные достижения в процессе самопознания.

Юнгианская психоалхимическая и архетипическая подоснова работает не только в "Алхимике", но и других романах Коэльо. Явно архетипически мотивирована амбивалентность Добра и Зла в "Дьяволе и сеньорите Прим", как и постоянная в романах Коэльо апелляция к "фигуре" ребенка. "Другой" и "Другая", преследующие

героев романа "На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала", отсылают к архетипу Тени. С непосредственно алхимическим смыслом самоосознания связаны многие эпизоды "Пятой горы". Гонимый Иезавелью, Илия оказывается в пустыне, где от голода его спасает ворон, диалог с которым мыслится героем как диалог с самим собой. Илия спрашивает себя "другого", почему ему явился именно ворон, - ответ читатель романа опять-таки найдет у Юнга, считающего ворона первичным образом в овладении стихией бессознательного. Заметим, что и числовая, и цветовая символика текстов Коэльо также (довольно единообразно) выстроена на психоалхимической основе, которая в то же время оказывается внутренним обоснованием специфической открытости, принципиальной смысловой незавершенности всех произведений писателя, герои которого никогда не достигают совершенства, но всегда остаются на пороге нового открытия себя и мира. Авантюрный сюжет "Алхимика" завершается обретением сокровища, но процесс самоидентификации героя остается незавершенным: добавив к символическим сокровищам символические камни выбора - белый и черный, Урим и Туммим, - герой отдается дуновению южного ветра, несущего аромат, звук и вкус его судьбы и любви - Фатимы. Начинается новое странствие "пастуха" к обретению андрогинного единства с символической возлюбленной. Столь же открыт финал романа о Веронике, а "Пятая гора", иллюзорно заполняющая лауну в библейском тексте, обрывается задолго до вознесения Пророка на огненной колеснице (образ вознесения Илии - итог психоалхимического становления - один из выделяемых Юнгом образов в его концепции всеединства).